

*П. А. Лапин**

**Наместник Чжан Чжидун и его политика
по преподаванию иностранных языков
в провинции Хубэй: на примере
Хубэйского училища иностранных языков
(конец XIX – начало XX в.)**

АННОТАЦИЯ: В конце XIX в. в Цинской империи шел процесс модернизации традиционной системы образования с целью подготовки квалифицированных кадров для новых областей государственного строительства.

Больших результатов на этом направлении добилось руководство провинции Хубэй, в которой благодаря усилиям наместника Чжан Чжидуна была создана достаточно развитая сеть современных учебных заведений. В связи с большой потребностью в подготовке переводчиков, в задачи которых входил перевод зарубежной научной и учебной литературы, были открыты специальные школы и училища. Наиболее известным из них стало Хубэйское училище иностранных языков, в котором наравне с другими иностранными языками преподавался и русский язык.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Империя Цин, провинция Хубэй, модернизация образования, новые школы, преподавание русского языка, гуманитарные связи, Чжан Чжидун

Преподавание иностранных языков в Цинской империи в конце XIX – начале XX в. осуществлялось с учетом потребностей центральных и провинциальных властей в выстраивании контак-

* Лапин Павел Андреевич, к. и. н., советник по культуре Посольства России в Китае (Пекин, Китай), wajjiao2000@mail.ru

тов с иностранцами, в тот период активно преследовавшими свои интересы в Китае. Выделялась на общем фоне провинция Центрального Китая Хубэй, руководители которой одну из своих приоритетных задач видели в заимствовании передового иностранного опыта в интересах усиления военно-технического и кадрового потенциала данного региона. Важная роль в этом процессе отводилась переводчикам, которые должны были обеспечивать перевод зарубежной научной и учебной литературы. Подготовка таких специалистов заняла важное место в программе хубэйских властей по реформированию местной системы образования.

Модернизация образовательной сферы в провинции Хубэй связана с деятельностью выдающегося прогрессиста, политического деятеля и организатора образования Чжан Чжидун (张之洞, 1837–1909), который с 1889 по 1906 гг. занимал высокий пост наместника цинского двора в Хугуане (Хубэе и Хунани) (湖广总督 *Хугуан цзунду*, букв.: «главноначальствующий Хугуана»)¹.

Свои взгляды относительно реформирования традиционного образования Чжан Чжидун изложил в «Статье об увещании к учению» (*Цюань сюэ пянь* 劝学篇; 1898 г.)² [Цай Чжэньшэн, 1994, с. 121–162]. В этой работе он подытожил прежний опыт китайских мыслителей в области организации образования, систем-

¹ Стоит, однако, сказать, что это была не первая должность Чжан Чжидун в этой провинции. Еще в 1869–1870 гг. он работал там главным чиновником по делам образования (*ти ду сюэчжэн* 提督学政, букв.: «державший надзор за управлением обучением»). Но тогда он придерживался консервативных взглядов, поощрял развитие системы традиционных конфуцианских школ *шюань* 书院 (букв. «книжный двор»), в которых готовились претенденты для сдачи государственных экзаменов *кэцзюй* 科举 на получение ученых степеней. Так, в период с 1862 по 1874 гг., в том числе когда руководителем образовательного ведомства был Чжан Чжидун, в провинции было открыто десять новых школ-*шюань*, за весь же цинский период (до 1908 г.) таких заведений там, по разным данным, появилось от 149 до 187 [Лю Синь, 1988, с. 70; Лю Чуньли, 2011, с. 65]. В дальнейшем его политические взгляды претерпели изменения: оценив неоспоримые преимущества зарубежных технологий и прогрессивной научной мысли, он стал поддерживать реформы, став одним из лидеров преобразований конца XIX – начала XX вв.

² Название работы Чжан Чжидун содержит аллюзию к первой главе трактата «Сюнь-цзы» (荀子) — «Увещание к учебе» (*Цюань сюэ* 劝学), автором которого считается мыслитель и литератор Сюнь-цзы (荀子, 313 г. до н. э. – 238 г. до н. э.). В своей работе автор повествует о формах и методах обучения.

но обосновал и развил основополагающий тезис реформ в этой сфере — «Китайское учение — тело³, западное учение — прикладное» (*Чжунсюэ вэй ти, сисюэ вэй юн* 中学为体, 西学为用)⁴. Этим признавалась важность достижений китайского учения для обеспечения духовных потребностей Китайского государства, в то время как утилитарные практические нужды развития империи требовали перенимать, адаптировать под местные реалии и внедрять передовой зарубежный научно-технологический опыт. Именно такой симбиоз, по мнению сторонников этого тезиса, позволял обеспечить укрепление мощи государства при сохранении его духовных основ⁵.

За годы нахождения у власти в провинции Хубэй Чжан Чжидун обеспечил проведение глубоких реформ сферы образования, создав новую систему учебных заведений, сориентированных на подготовку современных специалистов в различных профессиональных областях, и новые органы управления образованием. К 1907 г., когда чиновник оставил пост наместника этой провинции, там в общей сложности функционировало 1512 учебных заведений, которые посещало порядка 57,7 тыс. учащихся [Хубэй шэн чжи, цзяюй 1993, с. 39]. Функционировали дошкольные учреждения (*мэн сюэтан* 蒙学堂, букв.: «учебные залы для темных [юнцов]»), начальные (*сясюэ тан* 小学堂, букв. «учебные залы для юнцов»), средние (*чжун сюэтан* 中学堂, букв.: «учебные залы для подростков») и полные средние школы (*гаодэн сюэтан* 高等学堂, букв.: «учебные залы высокого уровня»), практические (*шиэ сюэтан* 实业学堂, букв. «учебные залы для

³ То есть «сущностная основа».

⁴ Первым идею объединения китайской научной традиции и западной науки в интересах усиления Китайского государства в 1861 г. выдвинул китайский прогрессист Фэн Гуйфэнь (冯桂芬, 1809–1874) в своем произведении «Протест из хижины Цзяобинь» (*Цзяобинь лу кань* 校邠庐抗议). Впоследствии другие китайские мыслители возвращались также к теме заимствования иностранных научных теорий и технологий, их адаптации к китайским реалиям. Впервые вышеупомянутый тезис «*Чжунсюэ вэй ти, сисюэ вэй юн*» в апреле 1895 г. выдвинул китайский мыслитель Шэнь Юйгуй (沈毓桂, 1807–1907; его статья «План спасения эпохи» (*Цзю ши цэ* 救时策) под псевдонимом Наньси-чжуйсоу 南溪赘翁 была опубликована в газете «Публичный вестник о мираидах государств» (*Ваньго гунбао* 万国公报).

⁵ Подробнее об этой концепции и взглядах Чжан Чжидуна на реформирование образования см.: [Лю Ялин, 2007, с. 159–161; Цай Чжэньшэн, 1994, с. 138–143].

практического поприща»)⁶, педагогические (*шифань сюэтан* 师范学堂, букв.: «учебные залы для наставников-эталонов»)⁷ училища⁸. Начали появляться первые средние учебные заведения для девочек. Для организации управления такой сложной структурой Чжан Чжидун в 1902 г. создал специализированное учреждение — Хубэйское управление преподаванием (*Хубэй цзяоу чу* 湖北教务处) [Чжан Вэнь-сян гун чжи э цзи, 1947, л. 12об]⁹. В развитие образования вкладывались значительные средства¹⁰.

При выработке образовательной политики Чжан Чжидун уделял большое внимание созданию специальной инфраструктуры по переводу иностранной научной и учебной литературы, а также подготовке специалистов со знанием иностранных языков. «Коль скоро западное учение предельно глубинно и потаённо, западные книги также предельно бесчисленны и мудрёны, допытаться до познания [их] — дело поистине нелегкое, — на пути самоусиления ценна способность перенимать от [других] людей [их] достоинства; если в точности не владеешь заморскими письменами, то сам не [будешь] способен читать западные книги, а если не [будешь] способен в изобилии читать западные книги, то нечем [будет] постичь и про-

⁶ К таким учебным заведениям в Китае относили технические, коммерческие, сельскохозяйственные, железнодорожные, горные, бухгалтерские, искусствоведческие училища, а также училища иностранных языков (подробно о них см.: [Фэн Тяньюй, 1984, с. 68–70; Юй Юнцин, 2006, с. 84]).

⁷ Среди всех категорий училищ педагогических учебных заведений было большинство. Это объяснялось высокой потребностью в учителях, способных вести обучение в соответствии с новыми учебными планами, применяя перспективные методы обучения (подробнее см.: [Фэн Тяньюй, 1984, с. 70–71; Юй Юнцин, 2006, с. 84]).

⁸ Чжан Чжидун заложил серьёзную базу для развития учебного дела в провинции, так как впоследствии за короткий период с 1907 по 1910 г. общее количество учебных заведений всех профилей возросло в чуть более чем в два раза по сравнению предыдущими более чем десятью годами и составило 3777 ед. при более 126 тыс. учащихся [Хубэй шэн чжи, цзяоюй 1993, с. 41].

⁹ Впоследствии по указанию пекинского двора в 1903 г. оно послужило образцом для учреждения во всех провинциях управлений обучением (*сюэу чу* 学务处).

¹⁰ Если в 1905 г. из провинциальной казны на дела нового образования было выделено 1,2 млн лянов серебра, то в 1907 г. — уже 2,04 млн. И по этим показателям провинция Хубэй занимала бесспорное лидирующее место среди всех провинций империи [Хубэй шэн чжи, цзяоюй 1993, с. 42].

никнуть [в искусство] широкого заимствования» [Чжан Чжидун цзяоюй вэньцунь, 2007, с. 130]. Таким образом, незнание подданными и прежде всего представителями интеллигенции иностранных языков Чжан Чжидун считал недопустимым явлением, поскольку это отрицательно сказывалось на развитии провинции¹¹.

С целью решения вопросов перевода зарубежной литературы для нужд учебных заведений провинции в 1894 г. было учреждено Хубэйское бюро по переводу книг (*Хубэй шиу цзюй* 湖北译书局)¹², а в 1902 г. — Бюро по изданию и переводу «Цзянчу»¹³ (*Цзянчу бяньи цзюй* 江楚编译局)¹⁴. При этом на начальном этапе работы эти учреждения сталкивались с острой нехваткой кадров, владевших западными языками, вследствие чего редакционные коллегии были вынуждены отбирать для перевода европейские издания, ранее переведенные на японский язык¹⁵, знатоков которого тогда найти было легче и с которого уже осуществлялся перевод на китайский.

Для подготовки кадров, способных работать с западными языками, чиновник инициировал открытие училищ по преподаванию иностранных языков¹⁶. Подготовка специалистов-языко-

¹¹ Подробнее об основах политики Чжан Чжидуна в области изучения иностранных языков см., например: [Лю Хун, 2014, с. 97–98; Мэн Сюй, 1997, с. 22–23; Хуан Синьсянь, 1988, с. 56–57].

¹² Уже через три года, в 1897 г., этим Бюро были переведены и подготовлены к изданию учебные пособия по естествознанию («Собрание сочинений по учению о выверении [вещей] и достижения [понимания]» (*Гэчжи сюэ цуншу* 格致学丛书)) и химии («Полная книга учения о превращениях» (*Хуа сюэ цюаньшу* 化学全书)).

¹³ Примечательно, что в названии Бюро входит название древнего царства Чу, на месте которого располагалась провинция Хубэй, а также указание на реку Янцзы — «цзян», что буквально означает «[царство] Чу на реке [Янцзы]».

¹⁴ Подробнее о деятельности этих учреждений см.: [Чжоу Цзюньбо, 2013, с. 107–110; Цзян Лин, 2008, с. 90–92].

¹⁵ В связи с повышенным интересом к Японии в Китае в начале XX в. резко выросло число китайских подданных, владевших японским языком. Именно их силами осуществлялся перевод таких изданий. Так, если с 1868 по 1895 гг. в Китае вышло всего 11 наименований изданий, переведенных с японского языка, то за короткий период с 1896 по 1911 — уже 988 [Цзян Лин, 2008, с. 91].

¹⁶ Хубэйское коммерческое училище иностранных языков (*Хубэй фанъянь шанъе сюэтан* 湖北方言商业学堂, 1891, букв. «Хубэйский коммерческий учебный зал местных речей»), Хубэйская школа «самоусиления» (*Хубэй цзыцян сюэтан* 湖北自强学堂, 1893), Хубэйское куль-

ведов дополнялась продуманной политикой командирования молодых китайцев за счет местной казны на учебу за рубеж¹⁷.

Наибольших успехов в области подготовки кадров, владевших иностранными языками, добилась Хубэйская школа «самоусиления» (*Хубэй цзыцян сюэтан* 湖北自强学堂). Для отечественных исследователей это образовательное учреждение может быть интересно еще и потому, что там по инициативе Чжан Чжидуна было введено преподавание русского языка. Подготовку к открытию этой школы Чжан Чжидун начал с 1890 г.: формиро-

турное общее среднее училище (*Хубэй вэнь путун чжун сюэтан* 湖北文普通中学堂, 1903), Хубэйское училище иностранных языков государя Пэна (*Хубэй пэнцзюнь фаньянь сюэтан* 湖北彭君方言学堂). Училища иностранных языков довольно хорошо финансировались: в 1910 г., например, общий объем денежной поддержки по линии провинциальных властей составлял более 100 тыс. лянов серебра [ПИА КНР. 03-7572-117, л. 3].

¹⁷ Первые китайские учащиеся из провинции Хубэй (10 человек) были командированы в 1892 г. в Бельгию для знакомства с металлургическим и плавильным делом. В 1899 г. Чжан Чжидун направил в Пекин «Сложенную докладную записку об отборе учащихся для командирования на учебу за рубеж» (*сюаньба сюэшиэн чу ян и е чжэ* 选拔学生出洋肄业折), ставшую первым системным документом, в котором чиновник описал принципы отбора претендентов для командировки, указал приоритетные государства, куда их следовало бы направлять, сформулировал предложения по количеству учащихся и финансированию их поездок, аттестации возвратившихся выпускников и распределения их на должности. В связи с общей популярностью тогда в китайском обществе Японии, а также схожестью учебных программ чиновник прежде всего предлагал сконцентрироваться на отправке учащихся в это государство, в 1896 г. туда уже были направлены первые тринадцать хубэйских учащихся. В дальнейшем их количество из этой провинции в Японии росло большими темпами: в первой половине 1906 г. там обучались 1366 выходцев из этой провинции (или 25,2% всех китайских учащихся), которая по этому показателю была неоспоримым лидером. В начале 1900-х гг. началось активное командирование местных учащихся в Германию, Францию, Бельгию, Россию и США. Но там их количество было гораздо ниже — чуть более 200. Отсылка молодежи за рубеж финансировалась за счет местной казны: на эти нужды закладывалась 1/6 часть бюджета, выделенного на образовательные нужды, что было довольно значительной суммой. За рубежом хубэйские студенты в основном изучали военные, технические, медицинские, гуманитарные, сельскохозяйственные специальности (подробно см., например: [Фэн Тяньхой, Хэ Сяомин, 1991, с. 143–144; Хубэй цзяюй ши, 1999, с. 230–241; Хубэй шэн чжи, цзяюй, 1993, с. 81–85]).

вались источники финансирования, определялись учебные цели и содержание обучения. Лишь в ноябре 1893 г. чиновник направил ко двору доклад, в котором в связи с усилением контактов с иностранцами, в том числе по линии коммерции, предлагал «в столичном городе провинции Хубэй (Учан. — П. Л.) учредить школу, дав ей название Школа самоусиления» [ПИА КНР. 04-01-38-0187-040, л. 1–2]. Там он планировал открыть четыре отделения — иностранных языков, естествознания, математики и коммерции [ПИА КНР. 04-01-38-0187-040, л. 2]. Однако в том же году в связи с отсутствием учебных материалов по естествознанию и коммерции эти отделения было решено временно не открывать, а отделение математики перенести в другое училище [Хубэй тунчжи, 2010, с. 1589]. В итоге создаваемая школа была полностью переквалифицирована в учебное заведение по преподаванию иностранных языков, что и нашло отражение в ее первом уставе 1893 г. Преподавались английский, французский, немецкий, русский и японский (с 1898 г.) языки [Чжунго цзиньдай цзяоюй ши цзыляо хуэйбянь. Янью юньдун шици цзяоюй, 2007, с. 271–274]. Срок обучения составлял пять лет.

В 1902 г. школа была переименована в Хубэйское училище иностранных языков (*Хубэй фаньянь сюэтан* 湖北方言学堂), с 1909 г. туда начали принимать людей, окончивших среднюю пятилетнюю школу. Целью учебного заведения, таким образом, стала подготовка «знающих иностранные языки молодых людей, которые предназначаются для службы по ведомству Министерства иностранных дел, вообще для сношения с иностранцами в Китае и, наконец, для занятия должностей преподавателей иностранных языков в подобных школах» [АВП РИ. Ф. 143, оп. 491, д. 2042, л. 162об].

Так начало свою работу одно из ведущих профильных учебных заведений провинции Хубэй, которое в дальнейшем, активно расширяя свою образовательную деятельность, в 1928 г. было преобразовано в Уханьский университет (*Ухань дасюэ* 武汉大学), успешно функционирующий и по настоящее время¹⁸.

В Хубэйском училище иностранных языков была разработана весьма внушительная система административного управления. Для общей координации дел училища назначался управляющий

¹⁸ Подробно об административных преобразованиях Хубэйского училища иностранных языков см.: [Жэнь Чжэньлян, Лю Шуанпин, 1993, с. 4–8].

(цзунбань 总办, букв.: «главный исполнитель»)¹⁹, непосредственное руководство осуществлял директор (*танчжан* 堂长, букв.: «начальник [учебного] зала»). Штатным расписанием также предусматривались другие административные²⁰, канцелярские и хозяйственные должности²¹.

Прием учащихся регулировался специальным уставом, разработанным Чжан Чжидуном и принятым в 1893 г. В учебное заведение предполагалось принимать 120 учащихся — по 30 человек на каждое из четырех языковых отделений [Чжан Вэнь-сян гун чжи э цзи, 1947, л. 13]. Возраст абитуриентов составлял 15–24 года, что, по мнению Чжан Чжидуна, было оптимальным для изучения иностранных языков [Чжан Чжидун цзяоюй вэньцунь, 2007, с. 150]. Несмотря на большие квоты, в конце 1899 г. в училище числились всего 75 слушателей [Гао Сяофан, 2007, с. 184]. И это при том, что годом ранее, в 1898 г., в связи с введением японского языка количество квот для абитуриентов увеличилось еще на тридцать мест — до 150 в целом [Чжан Чжидун цзяоюй вэньцунь, 2007, с. 249]. В дальнейшем количество слушателей тем не менее росло: в 1904 г. общая численность учащихся составляла 240 чел., а в 1905 г. — 354 чел. [Ухань дасюэ сяоши синьбянь, 2013, с. 18]. Довольно высокий процент учащихся завершал полный курс обучения: скажем, в декабре 1910 г. учебное заведение окончили 48 учащихся (правда, сколько поступило на этот курс, остается непонятным), что с учетом узкой специализации училища было в целом приемлемым количеством [ПИА КНР. 03-7572-075, л. 1]. Большинство слушателей проходили обучение в группах английского и французского языков. Обучение было платным, при этом стоимость зависела от места постоянного

¹⁹ Первым из них стал ближайший сподвижник Чжан Чжидуна Цай Сиюн (蔡锡勇, 1850–1897), выпускник первой школы иностранных языков нового образца — пекинской Школы иностранных языков (*Цзинши тунвэньгуань* 京师同文馆, букв. «Столичное подворье единения письмен»). Служил переводчиком в США, Японии, Перу (подробно о нем см.: [Цай Кайжу, 1993, с. 53–58].

²⁰ В руководящем составе также были инспектор (*тидяо* 提调), куратор (*цзяньду* 监督) и главный преподаватель (*цзун цзяо* 总教). Первым куратором стал Чжун Тяньвэй (钟天纬, 1840–1900), выпускник Шанхайской школы иностранных языков (*Шанхай тунвэньгуань* 上海同文馆, букв. «Шанхайское подворье единения письмен»).

²¹ Подробно об административном устройстве см.: [Ухань дасюэ сяоши синьбянь, 2013, с. 12–15].

проживания учащегося — чем дальше проживал абитуриент, тем выше была цена.

Специально для языкового учебного заведения было разработано расписание занятий по заданным дисциплинам. Слушатели изучали один из иностранных языков, китайский язык, историю Китая, географию Китая, математику, основы физики, занимались физкультурой и проходили военную подготовку. С учетом специфики училища основное внимание уделялось преподаванию иностранных языков, на изучение которых выделялось чуть более трети всего учебного времени. Занятия начинались в 08:00 и заканчивались в 17:25, в день предусматривалось по семь уроков (длительность одного — 1 час 25 минут). Иностранный язык изучался каждый день на первом и втором уроках. Была предусмотрена шестидневная учебная неделя. Впоследствии по мере развития системы образования и отмены в 1905 г. в Китае системы государственных экзаменов *кэцзюй* учебные программы также менялись [Ухань дасюэ сяоши синьбянь, 2013, с. 21–22]²². Для проверки знаний ежемесячно устраивались экзамены по текущим предметам курса, по итогам года сдавался годовой экзамен.

Для преподавания иностранных языков руководство училища старалось пригласить иностранных специалистов. Все общеобразовательные предметы вели местные наставники. Китайских преподавателей было больше; так, например, до 1899 г. там работали в общей сложности 18 учителей, 8 из которых были иностранцами [Гао Сяофан, 2007, с. 189]. Количество квот для иностранных наставников также отличалось. В начальный период из восьми учителей-иностранцев трое были русские, причину чего выяснить не удалось [Чжунго цзиньдай цзяоюй ши цзыляо хуэйбянь. Янью юньдун шици цзяоюй, 2007, с. 280], а в 1902 г. среди уже пятнадцати иностранцев подавляющее большинство — 11 мест — сохраняли за собой японцы [Ухань дасюэ сяоши синьбянь, 2013, с. 16].

Иностранным преподавателям выплачивалось высокое жалование, в несколько раз превышавшее зарплату китайских учителей [Чжан Чжидун цзяоюй вэньцунь, 2007, с. 155].

Как указывалось, в училище Чжан Чжидун организовал преподавание русского языка. Во всей провинции на тот момент это было единственное китайское учебное заведение, где велось обуче-

²² В 1902 г. было введено изучение международного права, а в 1905 г. — этики, китайской и зарубежной литературы, химии, физики, естествознания, финансов, педагогики, основ переговорного мастерства, рисования.

ние русскому языку. Вторым центром преподавания русского языка являлась находившаяся близ Учана в городе Ханькоу Китайско-русская коммерческая школа (*Хуаэ шанье сюэтан* 华俄商业学堂), содержащаяся за счет российских средств²³.

Идея изучения русского языка в стенах учебного заведения была заложена уже в первом докладе Чжан Чжидун на имя императора в ноябре 1893 г., а конкретизирована в предложениях по усовершенствованию устава училища, проект которого был направлен в Пекин в августе 1896 г. В документе Чжан Чжидун рассуждал о важности изучения русского языка в училище, указывая, что «русский язык доселе [преподавался] только в [пекинской] Школе иностранных языков *Тунвэньгуань* при Главноуправляющем ведомстве по делам всех государств (*Цзунли гэго шиу ямэнь* 总理各国事务衙门) [как] специальный предмет. В других провинциях никогда ещё не учреждали [его преподавание, он] относится к особенно драгоценным и редким [языкам]. Китай и Россия — близкие соседи, потребность и надобность [в нём] исключительно сильна. К тому же русский язык уходит корнями в греческий, что отличает его от английского, французского и немецкого, которые уходят корнями в латинский, — это ещё более специализированная [область] изучения. Само собою, подобает навестить русских людей, владеющих китайской речью, и пригласить их стать преподавателями» [Чжан Чжидун цзяоюй вэньцунь, 2007, с. 130]²⁴.

На следующий, 1897 г., администрация распространила извещение о наборе в учебное заведение, в котором сообщалось о планах «набрать на русское отделение 30 учащихся» и повторялось намерение «пригласить российского преподавателя, которому в ассистенты будет направлен китайский преподаватель» [Чжан Чжидун цюаньцзи, 1998, с. 3377].

Несмотря на то, что идея изучения русского языка была сформирована и нашла свое отражение в уставных документах учебного заведения, реализация этого предложения заставляла себя ждать. Шла внутриведомственная переписка. В своем очередном докладе от апреля 1898 г., в котором Чжан Чжидун говорил о введении в учебную программу японского языка, он вновь коснулся важности преподавания русского языка, но сетовал на то, что

²³ Подробно см.: [Лапин, 2017, с. 6–17].

²⁴ Исходя из этой фразы видно, что для позднецинского интеллектуала, даже вполне передового, главным в восприятии языка была письменность — именно так можно трактовать его разграничение западно-европейских языков и русского.

«в училищах других провинций нет русских преподавателей», а в его провинции «с прошлой зимы ощущается большая потребность» в знатоках русского языка [ПИА КНР. 03-5615-036, л. 2].

Активные поиски в итоге дали свои результаты. В училище был нанят первый российский преподаватель, что позволило начать принимать абитуриентов. По данным китайских архивных документов, весной 1898 г. на отделение русского языка были зачислены первые девять учащихся, а на следующий год — еще двое [Чжунго цзиньдай цзяоюй ши цзыляо хуэйбянь. Янью юньдун шици цзяоюй, 2007, с. 281]. Несмотря на то, что училище находилось в провинции Хубэй, большинство учащихся (пятеро) были выходцами из приморской провинции Цзянсу²⁵, из числа местных обучались четверо²⁶ и еще по одному слушателю набраны из провинций Сычуань (Сян Юй 向煜), Хунань (Ли Цзэюнь 李泽运) и Аньхой (Дин Чжаожун, 丁兆荣) [Чжунго цзиньдай цзяоюй ши цзыляо хуэйбянь. Янью юньдун шици цзяоюй, 2007, с. 281]. Один из учащихся — упоминавшийся выше Чжан Байцин — являлся родственником Чжан Чжидуна, что наглядно демонстрировало внимание наместника к этому учебному заведению и непосредственно отделению русского языка [АВП РИ. Ф. 143, оп. 491, д. 2042, л. 162 об].

Более поздних списков учащихся отделения русского языка не сохранилось, но, по косвенным данным, встречающимся в исторической литературе, можно восстановить имена некоторых из слушателей, обучавшихся и окончивших училище в поздние периоды его работы²⁷.

Сохранилось расписание отделения русского языка 1898–1902 гг. Русский язык преподавался на первой паре уроков с 08:00 до 10:50 шесть дней в неделю, затем до обеденного перерыва учащиеся в течение этих же шести дней изучали математику. После обеда с 13:00 до 17:25 проходили предметы общего курса. Китайский язык преподавали в течение пяти дней на двух последних уроках [Гао Сяофан, 2007, с. 193].

²⁵ Чжоу Баочэнь (周宝辰, 周宝臣), Вэй Бо (魏渤), Лю Гуанцянь (刘光谦), Юй Дапэн (余大鹏).

²⁶ Чжан Байцин (张柏青), Лю Вэньбинь (刘文彬), Янь Шичао (严式超), Ся Вэйсун (夏维松).

²⁷ Например, Ли Чэньсун (力陈松), который после окончания Хубэйского училища обучался юриспруденции в Петербургском университете, а по возвращении в Ухань совместно с Ся Вэйсуном активно включился в революционную деятельность [Ма Дусян, 2011, с. 93–94].

Зимой 1899 г. учащиеся отделения русского языка сдавали первый экзамен. Можно предположить, что с учетом указаний Чжан Чжидуна о значительной потребности в людях, владевших русским языком, преподавание велось весьма интенсивно. На эту аттестацию было вынесено 13 вопросов (по количеству — следующее после японского отделения, где было максимальное число вопросов — 16). По своему содержанию задания делились на две группы — вопросы по грамматике русского языка²⁸ и перевод с русского языка на китайский и наоборот²⁹ [Су Юньфэн, 1976, с. 103].

Как указывалось, в мае 1898 г. Чжан Чжидуну наконец удалось пригласить в школу российского преподавателя³⁰. В российских источниках данных об этом россияnine пока не выявлено. По данным китайских архивных материалов, это был некий Болиша (波立沙; похоже на имя Борис или фамилию Борисов), который в мае 1899 г. уволился и на месте которого с того же месяца начал числиться другой россиянин Саханафусыци (薩哈哪甫斯祁), кому в качестве ассистента с октября того же года определили некоего Калинъа (喀凌呵, созвучно с русским именем Галина) [Чжунго цзиньдай цзяоюй ши цзыляо хуэйбянь. Янью юньдун шици цзяоюй, 2007, с. 280].

Сложно сказать, сколько эти двое россиян, назначенные в 1899 г. на должности преподавателей, проработали в школе. Вполне возможно, что находились они там как минимум до 1904 г., так как, по данным уже российских архивов, летом 1907 г. наместник Чжан Чжидун и «директор школы Син Лин»³¹

²⁸ Например, такие вопросы, как «единственное и множественное число существительных», «абстрактное существительное» и «собирательное существительное», «мужской, женский и средний рода существительных», «правила изменения окончаний в словосочетаниях с прилагательными и существительными», «косвенная и прямая речь» [Гао Сяофан, 2007, с. 200].

²⁹ Учащимся было предложено переводить фрагменты из русских произведений, в том числе басен [Гао Сяофан, 2007, с. 197].

³⁰ Вообще, такое положение дел было несколько странным. По данным «Именного реестра [пекинской] Школы иностранных языков *Тунвэньгуань*» (同文馆题名录, *Тунвэньгуань ти мин лу*), еще с 1896 г. в провинции Хубэй находился известный по документам русист Цин Цюань (庆全) «для преподавания русского языка» [Тунвэньгуань тимин лу, ди лю цы, 1896, л. 38об].

³¹ Имя и должность руководителя училища Синь Линя в российских документах указаны не в полной мере корректно. По данным китайских источников, это, скорее всего, был куратор учебного заведения китаец

обратились к российскому консулу в Ханькоу А. Н. Тимченко-Островеерхову³² с просьбой «оказать содействие к приглашению русского учителя для названной школы». Свою просьбу китайские чиновники, как и несколькими годами ранее, объясняли «малоуспеваемостью преподавания иностранных языков в школе, где лишь для немецкого и японского языков имеются преподаватели оных национальностей, остальные же языки, то есть русский, французский и английский, преподавались учителями китайцами» [АВП РИ. Ф. 143, оп. 491, д. 2042, л. 72].

Из дипломатической переписки, таким образом, становится известно, что в течение какого-то времени русский язык там преподавал китаец. Это, вероятнее всего, был выпускник отделения русского языка Школы иностранных языков *Тунвэньгуань* Шао Хэнцзюнь (邵恒濬, 1870–1951)³³, которого по запросу Чжан Чжи-дуна как раз в конце 1904 г. по линии Министерства внешних дел (*Вайу бу* 外务部) срочно командировали в ставку заместителя

Юй Синьлин (裕馨龄), назначенный на эту должность в 1905 г. [Ухань дасюэ сяоши синьбянь, 2013, с. 15].

³² Тимченко-Островеерхов Андрей Николаевич, российский дипломат. Консул России в Чифу (1894–1899), консул в Ньюджэне (1900–1902), консул в Ханькоу (1903–1914), генеральный консул в Гуанчжоу (1915–1917).

³³ Шао Хэнцзюнь (другое написание — 昭恒浚), родился в уезде Вэньдэн (文登) провинции Шаньдун. В ранние годы учился в академии *Гоцзыцзянь* ([Конфуцианская] академия сынов отечества 国子监). В 1886 г. поступил на русское отделение пекинской Школы иностранных языков *Тунвэньгуань*. В 1896 г. в числе первых китайских студентов был командирован в Санкт-Петербург, где проходил языковую стажировку в Учительском институте. По возвращении в Китай в 1889 г. занимал различные должности в Судебном министерстве (*Синбу* 刑部) и Главноуправляющем ведомстве по делам всех государств, в должности старшего делопроизводителя (*чжуши* 主事) служил в центральном управлении по переговорам при Хэйлунцзянской железной дороге (*Хэйлунцзян телу цзяошэ цзунцзюй* 黑龙江铁路交涉总局). Впоследствии был назначен на должность начальника отделения (*ланчжун* 郎中) в Министерстве просвещения (*Сюэбу* 学部), откуда, вероятно, был переведен в Министерство по внешним делам. В 1909 г. возглавил Школу перевода *Исюэгуань* (译学馆, букв.: «Подворье изучения перевода»). После революции 1912 г. продолжал деятельность госслужащего, в частности, в 1912 г. возглавлял Специальную школу русского языка при Министерстве иностранных дел (*Вайцзяобу эвэнь чжуаньсю гуань* 外交部俄文专修馆), а в 1917 г. был назначен генконсулом во Владивостоке (подробно см.: [Ли Наньцю, 1996, с. 45; Янь Годун, 2012, с. 24–25].

в Учане для «перевода корреспонденции в контактах с русскими» [ПИА КНР. 03-7213-093, л. 1]. По всей вероятности, Шао Хэнцзюнь совмещал должности переводчика и учителя русского языка в училище (возможно, именно в Хубэйском училище иностранных языков), что, видимо, давалось непросто, и для улучшения качества работы училища руководство провинции решило начать поиск учителя из числа россиян.

В связи с отсутствием в Ханькоу подходящих кандидатов российский дипломат обратился в Шанхай, где проходил стажировку изучающий китайский язык студент Восточного института некий Харжевский. Ему было предложено занять должность учителя русского языка в Хубэйском училище иностранных языков, на что он дал согласие. По прибытии россиянина в Ханькоу Островерхов «представил его директору школы и бывшему там ранее преподавателем русского языка г. Шао [Хэнцзюнь]», который, как указывалось, прибыл на работу в провинцию в 1904 г. и заменил россиянина в училище [АВП РИ. Ф. 143, оп. 491, д. 2042, л. 73].

Харжевский был принят на работу по срочному контракту на два года «с содержанием по 350 долларов³⁴ в месяц (4200 долл. в год)³⁵, при готовой квартире и кроме того школа оплачивает проезд от Шанхая до Ханькоу и выдает на первоначальное обустройство 100 долларов» [АВП РИ. Ф. 143, оп. 491, д. 2042, л. 73].

³⁴ Цинский серебряный доллар (*иньюань* 银元, букв.: «серебряная монета»). Использовался наравне с серебряными лянми с конца XVIII в. В 1890 г. цинский двор впервые отчеканил для распространения по всей империи серебряный доллар — так называемый «Гуансюй юаньбао» (光绪元宝, букв.: «монетная драгоценность [императора] Гуансюя»).

³⁵ Серебряный лян (*иньян* 银两) — мерный слиток серебра, в качестве денежного инструмента использовался в Китае более 1,7 тыс. лет. Вес 1 ляна варьировался от 36 до 37,68 г, при этом использовавшийся в международных расчетах так называемый таможенный лян весил 37,68 г. Курс доллара к серебряному лян — наиболее ходовой и привычной в то время денежной единице — составлял примерно 1 долл. — 0,71 ляна [Сюй Фэншун, Юй Минь, Юй Бэньфа, 2009, с. 63]. То есть жалованье россиянина в зависимости от стоимости серебра варьировалось в пределах 248,5 ляна серебра в месяц, или 2982 ляна в год. Это было приличное вознаграждение. Оно, например, было выше содержания выпускника Восточного института Г. А. Софоклова, работавшего тогда учителем русского языка в Китайско-русской коммерческой школе в Ханькоу (3600 долл.), но было несколько ниже ставки старшего преподавателя Школы русского языка при Пекинском отделе правления КВЖД Я. Я. Брандта (3600 лянов) [АВП РИ. Ф. 143, оп. 491, д. 2042, л. 131об].

Основная обязанность Харжевского заключалась в преподавании русского языка. Педагогическая нагрузка составляла 24 часа в неделю, то есть по два урока в день в течение шести дней, что полностью соответствовало ранее утвержденному в школе расписанию [АВП РИ. Ф. 143, оп. 491, д. 2042, л. 73об]. В качестве ассистента Харжевскому по ходатайству чиновника особых поручений Министерства финансов, надворного советника, старшего преподавателя русского языка Школы русского языка Железной дороги восточных провинций (*Дуншэнь телу эвэнь сюэтан* 东省铁路俄文学堂) Я. Я. Брандта, который также взял на себя обязанности по надзору за всеми школами в Китае с преподаванием русского языка, был принят проходивший практику в Учане студент Восточного института некий Шнейдер при жалованье 3600 долл. в год (2556 лянв серебра)³⁶ [АВП РИ. Ф. 143, оп. 491, д. 2042, л. 75, 131об].

После назначения россиянина на должность учителя Островерхов отписал в МИД депешу, в которой выразил надежду, что «г. Харжевский отнесется добросовестно к принятым им на себя обязанностям», а училище «даст благоприятные практические результаты, каковых пока... не достигала» [АВП РИ. Ф. 143, оп. 491, д. 2042, л. 74].

Российские преподаватели приступили к работе. В 1909 г. срок действия контракта Харжевского истек, но администрация училища решила его не продлевать, мотивируя свои действия сокращением «числа учащихся в школе», а также желанием «сделать некоторую экономию расходов». Харжевский был вынужден оставить училище³⁷. Шнейдер сохранил свою должность помощ-

³⁶ С 1909 г. его жалованье выросло и составляло 4200 долл. в год (2982 лянв серебра) [АВП РИ. Ф. 143, оп. 491, д. 2042, л. 162].

³⁷ Увольнению Харжевского предшествовала весьма неприятная история, когда руководство училища в нарушение контракта своевременно не уведомило российского преподавателя о нежелании продлевать контракт, вероятно, рассчитывая, что учитель не будет оспаривать это решение и сразу покинет Учан. Таким образом администрация хотела сэкономить деньги на оплату проезда учителя и его трехмесячное содержание, которые необходимо было возместить по условиям соглашения за три месяца в случае его увольнения по инициативе учебного заведения. После вскрытия аферы руководители училища прибегли «к чисто китайскому приему, сообщив, что... уведомление... было своевременно ему (Харжевскому. — П. Л.) направлено». Как и ожидали в училище, «Харжевский, потеряв терпение и желая скорее выехать отсюда, заявил по собственной инициативе школьному начальству, что он

ника преподавателя, а функции основных преподавателей администрация передала бывшим выпускникам этого же училища Чжан Байцину и Ся Вэйсуну (Ся Вэйсун к тому времени уже имел опыт обучения в России) [АВП РИ. Ф. 143, оп. 491, д. 2042, л. 162об]. Подобные изменения в преподавательском составе, по мнению российских дипломатов в Ханькоу, могли отрицательно сказаться на подготовке учащихся, так как «упомянутые китайцы, помощники г. Шнейдера, не столько знакомы с русским языком, чтобы быть самостоятельными преподавателями» [АВП РИ. Ф. 143, оп. 491, д. 2042, л. 162об]. Как бы то ни было, в училище остался лишь один русский преподаватель. Не исключено, что после завершения срока стажировки в Китае Шнейдер вернулся в Россию и преподавание русского языка было всецело передано в руки китайских наставников.

Система выпуска и последующего распределения на службу была во многом традиционной. В соответствии с полученными баллами на экзаменах, выпускники делились на пять разрядов. Тем, кому был присвоен первый разряд, получали должность старшего делопроизводителя и распределялись на низшие вакантные должности в государственных ведомствах в столице или становились окружными начальниками (*чжичжжоу* 知州, букв.: «ведущий округом») в провинциях. Тем, кому был присвоен пятый разряд, лишь выдавали свидетельство о завершении курса без права замещения государственных должностей [АВП РИ. Ф. 143, оп. 491, д. 2042, л. 163об].

соглашается получить вознаграждение в размере лишь полуторамесячного содержания, что и было немедленно принято китайцами». Однако такое поведение руководителей вызвало недовольство российского консула в Ханькоу, который «протестовал против подобного свободного обращения с фактами» и сообщил о случившемся Чжан Чжидуну. В результате проверки деятельности руководства училища «по последним частным сведениям *даотай* (道台, общее название для должности чиновника провинциального уровня, управляющий определенной отраслью; букв.: «трибун округа-дао». — П. Л.) Синь-лин (Юй Синьлин. — П. Л.) уволен от должности директора школы, равно как и инспектор Пан, скрывший письмо к г. Харжевскому» [АВП РИ. Ф. 143, оп. 491, д. 2042, л. 161–162]. Что после инцидента стало с неким «инспектором Паном», сказать сложно, так как его личность по китайским документам идентифицировать пока не представляется возможным, но куратор Юй Синьлин остался в своей должности и ушел в отставку лишь в 1911 г. [Ухань дасюэ сяоши синьбянь, 2013, с. 15].

Судьба выпускников отделения русского языка училища сложилась по-разному. В 1905 г. решением Чжан Чжидуна четверо наиболее успешных выпускников Сяо Хуаньле (萧焕烈), Янь Шичао (严式超), Ся Вэйсун (夏维松) и Лю Вэньбинь (刘文彬) были командированы в Санкт-Петербург для прохождения обучения [Лю Цзилинь, 2010, с. 284]. В том же году в Петербургский университет был отправлен еще один выпускник училища Вэй Бо (魏渤), который к тому моменту окончил курс обучения на отделении русского языка в пекинской Школе перевода *Исюэгуань* [Хао Шичан, Ли Ячэнь, 2001, с. 21].

По возвращении из России Ся Вэйсун, как указывалось, вместе с другим выпускником работал преподавателем русского языка в своем же училище. Янь Шичао поступил на государственную службу, замещал должности в провинции Хубэй, потом переквалифицировался в военного, участвовал в переговорах с Россией по разграничению в Урянхайском крае. В 1937 г. издал мемуарное произведение «Вернуть обратно Танну-Урянхай» (*Шоу фу Танну Улянхай 收复唐努乌梁海*) [Ван Чуньян, Ли Жун, 2007, с. 8]. Выпускник Юй Дапэн (余大鹏) преподавал в пекинской Школе перевода *Исюэгуань* [Цзинши исюэгуань гуйчжан, 1905, л. 2об]. Это, надо думать, были наиболее преуспевшие выпускники отделения русского языка, судьба других выпускников училища пока остается неизвестной.

Наместник цинского двора в Хубэе Чжан Чжидун внес заметный вклад в модернизацию системы образования в провинции. Для более эффективного заимствования и последующего внедрения зарубежного опыта были открыты специализированные учебные заведения по преподаванию иностранных языков, учреждено переводческо-издательские бюро. Ведущим учебным заведением вместе с тем стало созданное наместником Хубэйское училище иностранных языков, в котором велось обучение всем наиболее распространенным тогда европейским языкам, в том числе русскому, а также японскому.

Русский язык преподавался с 1898 г., первоначально занятия велись нанятыми на месте россиянами, впоследствии были приглашены китайские русисты, в том числе выпускники этого же училища. В связи с недостаточностью данных, сегодня сложно судить об эффективности работы отделения русского языка. Вместе с тем сохранившееся расписание дисциплин и содержание экзаменов, вынесенных на зимнюю аттестацию 1899 г. (то есть чуть больше чем через полгода после начала занятий), позволяют говорить, что учащиеся за столь короткий срок освоили немалый

объем учебных материалов, вполне могли ориентироваться в базовых понятиях грамматики русского языка и на элементарном уровне осуществлять перевод. Важна, надо думать, заслуга в этом процессе российских учителей, которые владели китайским языком, что было весьма актуально для выстраивания качественного процесса обучения, особенно на начальных этапах, когда китайские учащиеся еще не владели русским языком.

С целью повышения квалификации выпускников отделения русского языка Чжан Чжидун начал принимать меры по их командированию в Россию на учебу. При этом он стал первым региональным руководителем, который направил в 1905 г. первых учащихся в столичные российские вузы. Например, перспективный военный губернатор граничившей с Россией провинции Хэйлунцзян Чэн Дэцюань (程德全, 1860–1930) организовал командирование учащихся расположенной в Цицикаре Школы русского языка «Синсюэ» (*Эвэнь «Синсюэ» сюэтан* 俄文兴学学堂; букв. «Учебный зал русского языка “Расцвет учения”») в Санкт-Петербург лишь в 1906 г., видимо, последовав примеру Чжан Чжидуна.

Опыт открытия отделения русского языка в Учанском училище оказался ценным и в перспективе — именно с него началась история развития русистики в одном из ведущих вузов провинции — Уханьском университете и всей провинции в целом. Другой центр преподавания русского языка — Русско-китайская школа коммерческих знаний — в 1911 г. в связи с революционными событиями в Учане была закрыта.

Источники и литература

1. Архив внешней политики Российской империи (АВП РИ). Фонд 143 («Китайский стол»), опись 491, дело 2042.

2. Первый исторический архив КНР (ПИА КНР). Фонд 03 («Копии докладов Военного совета»), фонд 04 («Доклады трону с резолюциями»).

3. *Янь Годун*. Китайские преподаватели в Санкт-Петербургском университете до 1917 года // Институт Конфуция (СПбГУ). 2012. Вып. 11, № 2. С. 21–27.

4. *Ван Чуньян, Ли Жун* 王春良, 李荣. Цзяньлунь ша Э циньчжань чжунго Танну Улянхай 简论沙俄侵占中国唐努乌梁海 (Краткий анализ оккупации царской Россией китайского [владения] Танну-Улянхай) // Ляочэн дасюэ сюэбао (шэхуэй кэсюэ бань) 聊城大学学报(社会科学版) (Вестник Ляочэнского университета. Серия: «Социальные науки»). 2007. № 1. С. 1–9.

5. *Гао Сяофан* 高晓芳. Вань Цин янью сюэтан дэ вайюй цзяюй яньцзю 晚清洋务学堂的外语教育研究 (Исследование преподавания иностранных языков в школах [периода движения за освоение] заморских дел в поздние [годы] Цин). Пекин: Шаньгу иньшу гуань (商务印书馆), 2007. 301 с.

6. *Жэнь Чжэньлян, Лю Шуанпин* 任珍良, 刘双平. Ухань дасюэ яньгэ юй сяньчжуан 武汉大学沿革与现状 (Эволюция и актуальное положение Уханьского университета) // Ухань дасюэ сюэбао (Цзыжань кэсюэ бань) 武汉大学学报 (自然科学版) (Вестник Уханьского университета. Серия: «Естественные науки»). 1993. № 6. С. 4–8.

7. *Лалин П. А.* Русско-китайская школа коммерческих знаний в Ханькоу (1907–1911) // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2017, № 6. С. 6–17.

7. *Ли Наньцю* 黎难秋. Цин мо Исюэгуань юй фаньи жэньцай清末译学馆与翻译人才 (Школа иностранных языков *Исюэгуань* в поздние годы Цин и переводческие кадры) // Чжунго фаньи 中国翻译 (Китайский переводчик). 1996. № 3. С. 45–46.

8. *Ло Синь* 罗新. Хубэй лидай шуюань као 湖北历代书院考 (Обзор [традиционных конфуцианских] школ-*шюань* в разные эпохи в [провинции] Хубэй) // Цзянхань луньтань 江汉论坛 (Цзянханьский форум). 1988. № 10. С. 7, 68–70.

9. *Лю Хун* 刘红. Чжан Чжидун юй Хубэй вайюй цзяюй 张之洞与湖北外语教育 (Чжан Чжидун и преподавание иностранных языков в [провинции] Хубэй) // Хубэй шэхуэй кэсюэ 湖北社会科学 (Социальные науки в провинции Хубэй). 2014. № 11. С. 97–102.

10. *Лю Цзылин* 刘集林. Чжунго люсюэ тунши. Вань Цин цзяюань 中国留学通史. 晚清卷 (Всеобщая история обучения за рубежом китайских учащихся. Т. Поздняя Цин). Гуанчжоу: Гуандун цзяюй чубаньшэ (广东教育出版社), 2010. 716 с.

11. *Лю Чуньли* 刘春丽. Чжан Чжидун юй Хубэй цзяюй дэ цзиньдайхуа 张之洞与湖北教育的近代化 (Чжан Чжидун и модернизация образования в [провинции] Хубэй) // Синьсян сюэюань сюэбао (Шэхуэй кэсюэ бань) 新乡学院学报 (社会科学版) (Вестник Синьсянского института. Серия: «Социальные науки»). 2011. № 6. С. 65–67.

12. *Лю Ялин* 刘亚玲. Люэлунь Чжан Чжидун дэ цзяюй гуаньли сысян 略论张之洞的教育管理思想 (Краткие рассуждения об идеях Чжан Чжидуна об управлении образованием) // Сяньнин сюэюань сюэбао 咸宁学院学报 (Вестник Сяньнинского института). 2007. № 4. С. 159–161.

13. *Ма Дусян* 马杜香. Люй Тай Э цзи тунбао Учан шоуи ишу чжи чутань 旅台鄂籍同胞武昌首义忆述之初探 (Первичный анализ воспоминаний уехавших на Тайвань соотечественников из [провинции] Хубэй, первыми поднявшихся на борьбу в Учане) // Цзянтань луньтань 江汉论坛 (Цзянханьский форум). 2011. № 10. С. 91–97.

14. *Мэн Сюй* 孟旭. Чжан Чжидун дэ вайной цзяоюй сысян хэ шицзянь 张之洞的外语教育思想和实践 (Идеи и практика преподавания иностранных языков у Чжан Чжидуна) // Тяньцзинь вайгоуй сюэюань сюэбао 天津外国语学院学报 (Вестник Тяньцзиньского института иностранных языков). 1997. № 4. С. 21–25.

15. *Су Юньфэн* 苏云峰. Чжан Чжидун юй Хубэй цзяоюй гайгэ 张之洞与湖北教育改革 (Чжан Чжидун и реформы образования в провинции Хубэй). Тайбэй: Academia Sinica Publ., 1976. 376 с.

16. *Сюй Фэншун, Юй Минь, Юй Бэньфа* 许风霜, 喻敏, 喻本伐. Цзунси «гуймао сюэ чжи» баньбу цян Хубэй синьши сюэсяо каоши тэсэ 综析“癸卯学制”颁布前湖北新式学校考试特色 (Комплексный анализ особенностей экзаменационной системы в школах нового образца в [провинции] Хубэй до опубликования Распоряжений об образовании [года] гуй-мао) // Хубэй чжаошэн каоши 湖北招生考试 (Набор студентов и экзамены в [провинции] Хубэй). 2009. № 8. С. 62–64.

17. Тунвэньгуань тимин лу, ди лю цы 同文馆题名录, 第六次 (Именной реестр пекинской Школы иностранных языков *Тунвэньгуань*, шестая серия). Цз. 1 卷 1. Пекин: Тунвэньгуань, 1896 // Государственная национальная библиотека Китая, обычный читальный зал древней литературы (ГНБК. ЧЗДЛ; 中国国家图书馆, 普通古籍阅览室, *Чжунго гоцзя тушугуань, путун гуцзи юэланьши*). Шифр хранения: гуцзи (古籍) 11314.

18. Ухань дасюэ сяоши синьбянь, 1893–2013 武汉大学校史新编, 1893–2013) (История Уханьского университета в новой редакции, 1893–2013). Гл. ред. Се Хунсина 谢红星主编. Ухань: Ухань дасюэ чубаньшэ (武汉大学出版社), 2013. 443 с.

19. *Фэн Тяньюй* 冯天瑜. Чжан Чжидун юй Хубэй цзиньдай цзяоюй 张之洞与湖北近代教育 (Чжан Чжидун и образование в провинции Хубэй в Новое время) // Ухань шифань сюэюань сюэбао (Чжэсюэ шэхуэй кэсюэ бань) 武汉师范学院学报 (哲学社会科学版) (Вестник Уханьского педагогического института. Серия: «Философские и социальные науки»). 1984. № 3. С. 64–73.

20. *Фэн Тяньюй, Хэ Сяомин* 冯天瑜, 何晓明. Чжан Чжидун пинчжуань 张之洞评传 (Комментированное жизнеописание Чжан

Чжидуна). Нанкин: Наньцзин дасюэ чубаньшэ (南京大学出版社), 1991 469 с.

21. *Хао Шичан, Ли Ячэнь* 郝世昌, 李亚晨. Лю су цзяоюй ши гао 留苏教育史稿 (Черновик истории обучения китайцев в Советском Союзе). Харбин: Хэйлунцзян цзяоюй чубаньшэ (黑龙江教育出版社), 2001. 407 с.

22. *Хуан Синьсянь* 黄新宪. Люэлунь Чжан Чжидун юй вань цин дэ фанъянь цзяоюй 略论张之洞与晚清的方言教育 (Краткие рассуждения о Чжан Чжидуне и преподавании “местных речей” в поздние [годы] Цин) // Цзяоюй лилунь юй шицзянь 教育理论与实践 (Теория и практика образования). 1988. № 2. С. 56–58.

23. Хубэй тунчжи 湖北通志 (Общее [историко-географическое] описание [провинции] Хубэй). Издание десятого года Китайской Республики (1921) 民国十年版本 (*Миньго шинянь баньбэнь*). Т. V 第五册 (ди у цэ). Ухань: Хубэй жэньминь чубаньшэ (河北人民出版社), 2010. С. 1331–1646.

24. Хубэй цзяоюй ши 湖北教育史 (История образования в [провинции] Хубэй). Гл. ред. Сюн Сяньцзюня 熊贤君主编. Т. I 上卷. Ухань: Хубэй цзяоюй чубаньшэ (湖北教育出版社), 1999. 641 с.

25. Хубэй шэн чжи, цзяоюй 湖北省志, 教育 ([Историко-географическое] описание провинции Хубэй. [Раздел] «Образование»). Гл. ред. Лю Гуаньцзюнь, Цзо Цзэжун 刘冠军, 左泽荣主编. Ухань: Ухань дасюэ чубаньшэ (武汉大学出版社). 1993. 944 с.

26. *Цай Кайжу* 蔡凯如. Цзыцян — юйцзя цзиншэнь дэ юань-тоу — цзи'нянь цзыцян сюэтан шоужэнь цзунбань Цай Сиюн сяньшэн 自强 — 瑜伽精神的源头. 纪念自强学堂首任总办蔡锡勇先生 (Самоусиление — источник духа йоги. В память о первом управляющем Училища «самоусиления» господине Цай Сиуне) // Ухань дасюэ сюэбао (Шэхуэй кэсюэ бань) 武汉大学学报 (社会科学版) (Вестник Уханьского университета. Серия: «Социальные науки»). 1993. № 6. С. 53–58.

27. *Цай Чжэньшэн* 蔡振生. Чжан Чжидун цзяоюй сысян яньцзю 张之洞教育思想研究 (Исследование идей Чжан Чжидуна об образовании). Далянь: Ляонин цзяоюй чубаньшэ (辽宁教育出版社), 1994. 271 с.

28. Цзинши Исюэгуань гуйчжан 京师译学馆规章 (Устав столичной Школы иностранных языков *Исюэгуань*). Пекин: Цзинши сюэучу гуаньшу цзюй, 1905 // Государственная национальная библиотека Китая, обычный читальный зал древней литературы (ГНБК. ЧЗДЛ; 中国国家图书馆, 普通古籍阅览室, *Чжунго гоцзя тушугуань, путун гуцзи юэланьши*). Шифр хранения: гуцзи (古籍) 52434.

29. *Цзян Лин* 江凌. Шилунь цзиньдай бяньишунцзюй дэ синци дуй хубэй цзяоюй цзиньдайхуа дэ инсян 试论近代编译书局的兴起对湖北教育近代化的影响 (Попытка рассуждений о влиянии учреждения Бюро по изданию и переводу в Новое время на модернизацию образования в [провинции] Хубэй) // Хубэй ди эр шифань сюэюань сюэбао 湖北第二师范学院学报 (Вестник Второго Хубэйского педагогического института). 2008. № 11. С. 90–92.

30. Чжан Вэнь-сян гун чжи э цзи 张文襄公治鄂记 (Записки князя Чжан Вэньсяна об управлении [провинцией] Хубэй). Ухань: Хубэй гунчжи гуань (湖北通志馆), 1947. 71 с.

31. Чжан Чжидун цзяоюй вэньцунь 张之洞教育文存 (Сборник работ Чжан Чжидуна об образовании). Пекин: Жэньминь цзяоюй чубаньшэ (人民教育出版社), 2007. 590 с.

32. Чжан Чжидун цюаньцзи 张之洞全集 (Полное собрание сочинений Чжан Чжидуна). Т. V 第五册 (ди у цэ). Шицзячжуан: Хэбэй жэньминь чубаньшэ (湖北人民出版社), 1998. С. 3179–4043.

33. *Чжоу Цзюньбо* 周俊博. Вань Цин «Хубэй ишуцзюй» дэ ицзе ходун 晚清“湖北译书局”的译介活动 (Переводческо-презентационная деятельность «Хубэйского бюро по переводу книг» в поздние [годы] Цин) // Чжэнчжоу ханкун гунье гуаньли сюэюань сюэбао (Шэхуэй кэсюэ бань) 郑州航空工业管理学院学报 (社会科学版) (Вестник Чжэнчжоуского института управления авиационной отраслью. Серия: «Социальные науки»). 2013. № 5. С. 107–110.

34. Чжунго цзиньдай цзяоюй ши цзыляо. Янью юньдун шици цзяоюй 中国近代教育史资料汇编. 洋务运动时期教育 (Сборник материалов по истории образования в Китае в Новое время. Образование периода движения [за Освоение] заморских дел). Гл. ред. Гао Шилиан 高时良主编. Шанхай: Шанхай цзяоюй чубаньшэ (上海教育出版社). 1033 с.

35. *Юй Юнцин* 喻永庆. Чжан Чжидун дэ Хубэй синсюэ цзи ци инсян 张之洞的湖北兴学及其影响 (Расцвет образования в [провинции] Хубэй при Чжан Чжидуне и его влияние) // Юньян шифань гаодэн чжуанькэ сюэсяо сюэбао 鄱阳师范高等专科学校学报 (Вестник Юньянского высшего педагогического училища). 2006, № 2. С. 83–85.

Pavel A. Lapin *

**Governor-General Zhang Zhidong and His Policy on Foreign Languages Teaching in Hubei Province: on the Example of Hubei Foreign Language College
(End of XIX – Beginning of XX Century)**

ABSTRACT: Modernization of the traditional education system was carried out in the Qing Empire at the end of the 19th century in order to train professional employees in the new fields of state building.

Hubei province showed good results in the education reforms, in course of which some modern education centers were established by Zhang Zhidong, the local Governor-General. In order to train interpreters who were meant to translate foreign scientific and educational books, special schools were also established. Hubei Foreign Language College was one of the most popular educational institutions. Among other foreign languages, Russian was also taught there.

KEYWORDS: Qing Empire, Hubei province, modernization of education, modern schools, Russian language teaching, humanitarian ties, Zhang Zhidong

* Lapin Pavel Andreevich, Ph. D. (History), Cultural Counselor of the Russian Embassy to China (Beijing, China), wajiao2000@mail.ru